

УДК 341

Согласование воли государств-членов международных организаций как форма реализации интеграционных процессов

Шмаков Роман Валерьевич

Старший преподаватель,

кафедра государственного, муниципального права и управления,

Коломенский институт (филиал)

ФГБОУ ВПО «Московской государственной машиностроительный университет (МАМИ)»,
140406, Российская Федерация, Московская обл., г. Коломна, ул. Октябрьской революции, 408;

e-mail: Shmakov_roman@mail.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена рассмотрению соотношения воли государств-членов международных организаций как основного правообразующего фактора в условиях современного международного правопорядка. Глобализационные процессы неизбежно приводят к необходимости понимания процессов согласования интересов государств, и формирования политической воли на надгосударственном уровне правового регулирования. Международные организации интеграционного характера как субъекты международного права весьма специфичны, в силу того, что способны создавать нормы, обязательные для участников правоотношений на национальном уровне. Среди инструментов взаимодействия правовых систем интеграционного характера и внутригосударственного права анализа требуют такие как унификация, гармонизация, координация, и другие. Предпринимается попытка охарактеризовать место и роль этих механизмов в процессе интеграции. Современные тенденции развития международного общения имеют своим источником удовлетворение политических потребностей участников правоотношений, в результате, чего происходит их взаимодействие, и согласовывается воля, имея общую задачу, достигнуть наиболее желательного результата сотрудничества. Политические процессы обуславливают изменения в праве, как основном социальном регуляторе, обеспечивающем их претворение в жизнь.

Для цитирования в научных исследованиях

Шмаков Р.В. Согласование воли государств-членов международных организаций как форма реализации интеграционных процессов // Вопросы российского и международного права. 2016. № 3. С. 191-204.

Ключевые слова

Интеграция, гармонизация, унификация, интеграционное право, международная организация, международный правопорядок, глобализация, Европейская интеграция, право Евразийского экономического союза.

Введение

Интеграционные процессы в современном обществе вызывают весьма неоднозначную оценку в кругах политологов, экономистов и правоведов. Это обусловлено не только их сложностью, но и формами воплощения или реализации. Неизбежно приходится сталкиваться с публичными образованиями, которым передаются полномочия по решению чрезвычайно обширного перечня вопросов. При этом передача происходит как на уровне традиционных участников хозяйственной деятельности – юридических лиц, имеющих различную национальную принадлежность, так и на уровне государств, делегирующих свои внутренние, а подчас и суверенные полномочия.

Право подобного рода организаций вызывает неоднозначные оценки в среде исследователей-правоведов, часто речь идет о формировании так называемого наднационального права. Весьма спорным вопросом в рамках указанной проблематики является определение не только природы права международных организаций интеграционного характера, но и факторов, влияющих на его формирование, а также, содержание процесса его формирования.

Международный уровень правового регулирования имеет ряд особенностей, присущих его нормам. Это заключается в том, что нормы возникают не на основе властной воли их создателя, персонифицированной в лице государства, как это происходит на внутригосударственном уровне, но в процессе достижения консенсуса между государствами-участниками международных отношений. Иными словами, должно происходить не что иное, как согласование воли контрагентов. Учитывая самостоятельность государств и их политический статус, практика изобилует рядом разногласий, кроме того государства могут отказаться от участия в конкретных процедурах, и мероприятиях, проводимых в рамках международных организаций, как это произошло в Великобритании применительно к зоне «евро» и таможенной зоне. Подобное поведение свидетельствует о том, что сложившийся механизм не столь прочен, как может показаться на первый взгляд, и зависит исключительно от намерения государств как участников правоотношений.

**«Воля» и «интерес» как факторы поведения
субъектов международных отношений**

Рассмотрим природу и особенности межгосударственных отношений, с позиции взаимоотношения политических и правовых аспектов.

Первичными, традиционными субъектами международного права выступают суверенные государства, обладая этим качеством, как свойством особого характера, позволяющим независимо отстаивать свои интересы, на равном положении с другими участниками. В ходе их взаимодействия формируются нормы права, основная особенность которых состоит в том, что они создаются путем согласования волей государств. В целом для международного права характерен метод координации [Кашкин, 2015, 7], который признает самостоятельность участников правоотношений. В то время как на внутригосударственном уровне действует метод субординации, поскольку нормы предопределяются волей государства, которая и обеспечивает его исполнение, что присуще именно государствам [Алмонд и др., 2002, 39].

В целом специфика международного права как раз и состоит в том, что оно создается не единым субъектом, обладающим властными функциями, а несколькими государствами, действующими согласованно, для достижения поставленных целей. Объектом правового регулирования на международном уровне в первую очередь являются суверенные государства [Усенко, 2008, 14], как субъекты равные и обладающие политическими полномочиями внутри своей территории.

Сама система международного права – это комплекс правовых норм как договорного, так и обычного характера, «выражающих согласованную волю его субъектов и направленных на регулирование межгосударственных отношений» [там же, 15]. Именно это обстоятельство и предопределяет специфичность международного права, однако, крайне важно понять природу процесса согласования. Так, есть мнение, что в ходе протекания указанного процесса не происходит слияния в некую «общую волю», так как они не могут слиться, обладая существенной разницей, и даже противоположностью, при этом непонятно как в таком случае происходит зарождение нормы, которая выражает общие намерения государств, обусловленные их интересами, если воли противоположны. Безусловно, интересы участников правоотношений могут диктоваться различными потребностями, но взаимодействие, способное порождать нормы права должно происходить на фоне согласования интересов, когда отношения обусловлены потребностью достижения поставленных целей, а не глобальных задач общегосударственного масштаба. В результате чего неизбежно формируется некая согласованная воля, которая и оформляется в юридически общеобязательное правило, которое «далеко не всегда отвечает реальным объективным потребностям соответствующего международно-правового регулирования» [Ушаков, 2000, 5]. На наш взгляд, действительно необходимо сделать оговорку о том, что воля участников международных отношений предопределена некоторым интересом.

Помимо воли должно происходить и согласование интересов, как явление сопутствующее и в тоже время нераздельное. Именно это качество и обуславливает характер межгосударственных отношений, а, учитывая, что основным источником международного права являются международные договоры, роль интереса становится все более очевидной, как главной «движущей» политической силы, мотивирующей участников отношений к взаимодействию. В процессе заключения международных договоров происходит взаимосогла-

сование интересов, зафиксированных в международно-правовых и внутригосударственных нормативных актах [Алексеев, 2004, 279].

Необходимо отметить, что интерес сам по себе не порождает политических и тем более правовых последствий, это должно происходить, и происходит только в результате определенных действий со стороны уполномоченных властных органов [Ушаков, 2000, 39], которые в свою очередь обусловлены волей государства. Именно она способна породить юридически значимые последствия и выразиться в форме права.

Международные организации создаются государствами, для достижения определенного круга целей. И реализуется это в том, что они передают часть своих полномочий для их достижения, это становится ключевым моментом, определяющим статус организации как органа сотрудничества, который, по мнению ряда авторов, не должен рассматриваться как некая надгосударственная власть [Лукашук, 2005, 29]. Государства-члены обладают реальными политическими ресурсами воздействия на поведение организации. А она в свою очередь формирует и обеспечивает режим реализации интересов своих участников, посредством автономной воли [там же].

В свете сказанного, весьма справедливо утверждение, что обладание волей, это один из признаков международной организации наряду с наличием соглашения между государствами, представительством государств, наличием постоянных органов и т. д. [Усенко, 2008, 22-26]. Кстати, это не только признак, но и критерий правосубъектности, источником воли выступает международный договор. При этом остается нераскрытым вопрос, отлична ли эта воля от суммы волей государств-членов. На первый взгляд это вполне возможно, поскольку государства определили общую цель, а главная задача организации состоит в достижении этой цели, что осуществляется в условиях определенной степени автономии. Но при этом стоит обратить внимание на то обстоятельство, что государства сами путем заключения учредительных договоров и иных международных актов установили правомочия организации, рамки которых она не может преодолеть без согласования с государствами-членами, то есть не только ее воля, но и полномочия оказываются в границах дозволенного поведения. Продолжая мысль, отметим, что международная организация действительно должна воплощать согласованную волю государств-членов, а не их слияние [Шиббаева, 1986, 30]. Именно эта согласованная воля становится ключевым фактором в процессе создания правовых норм с участием международных организаций, в особенности, если эта организация обладает устойчиво функционирующим правотворческим механизмом.

Как справедливо отмечают отдельные авторы, возможность организации выступать участником международных договоров и соглашений вовсе не должна свидетельствовать о самостоятельности ее воли, и независимости от суверенных участников [Каламкарян, Мигачев, 2004, 139]. Государства-члены, находясь в составе организации, обладают реальными инструментами воздействия на ее поведение международной организации, как политического, так и правового и экономического характера.

Безусловно, нельзя не учитывать и тот факт, что международная организация это продукт эволюционных преобразований современного общества. Это форма межгосударственного общения, позволяющая учитывать интересы наибольшего числа государств-членов, а на современном этапе часто речь идет и об обеспечении процесса интеграции [Каширкина, Морозов, 2012, 12].

«Наднациональность» международной организации и интеграционные процессы

Описанная выше ситуация порождает вопросы относительно наличия политической воли, а в отдельных случаях и политической самостоятельности, то есть речь идет о наличии властных полномочий. Эти идеи нашли выражение в концепции «наднациональности», применяемой в международно-правовой науке к крупным интеграционным образованиям. При этом традиционно, выделяются в качестве особенностей подобных организаций, ограничение суверенитета, хотя в действительности уместнее было бы говорить не об ограничении, а о делегировании суверенных полномочий.

Один из центральных «постулатов» концепции «наднациональности» состоит в том, что поведение государств-членов должно ограничиваться со стороны наднациональной организации. Однако необходимо разъяснить, что по сути это будет выражаться в том, что международная организация окажется способной подчинять своих членов общей политической воле, что вступает в противоречия с реальным поведением государств в международных отношениях, поскольку ситуацию можно охарактеризовать тезисом о том, что над государствами не может быть никакой власти [Бекашев, 2006, 1032].

Рассматривая обозначенный вопрос, отметим, что интеграция – процесс объективный, происходящий в различных сферах международного общения, по своей природе это одна из форм воплощения глобализационных преобразований. Она порождает необходимость создания регуляционных инструментов, в первую очередь права, которое часто получает наименование интеграционного [Кашкин, 2015, 7]. Глобализация неизбежно порождает новый международный правопорядок, на основе урегулированной международным правом системы взаимодействия участников международных правоотношений, и характеризуется «распределением между ними взаимных прав и обязанностей» [там же, 79]. Этот правопорядок детерминирован не только правовой реальностью в сфере межгосударственных отношений, но и экономической и политической. Политический порядок более гибкий и легко деформирующийся под воздействием современных тенденций в различных отраслях социальных отношений, в том числе и международного характера. Он становится предметом современной политологии, наряду с «диалектикой общечеловеческих и иных интересов и целей в мировой политике» [Ковалев, 2003, 611].

Интеграционными образованиями часто называют международные организации, в сфере деятельности которых входит регулирование отношений, межгосударственного харак-

тера, в отдельных сферах государственной жизни, обладающих фактической монополией в рамках своей юрисдикции. К числу организаций такого типа можно отнести Евросоюз, Всемирную торговую организацию, Евразийский экономический союз, Организацию Объединенных Наций и другие.

В теории права нет единого подхода к определению статуса так называемых наднациональных организаций, за исключением признака ограничения суверенитета, о чем уже сказано выше, именно поэтому все обозначенные организации могут в той или иной степени именоваться наднациональными. На наш взгляд, весьма удобно рассматривать этот вопрос на примере Евросоюза, исходя из традиционных представлений, о его квалификации как наднациональной организации. Но сложность состоит в том, что до настоящего времени в теории права и государствоведении отсутствует единое представление о природе этого образования, что обусловлено именно его интеграционным характером. Есть мнение, что это сложное, «уникальное, чрезвычайно динамично развивающееся государствовидное международное образование интеграционного типа» [Кашкин, Четвериков, 2014, 42]. Следует, однако, обратить внимание на юридические аспекты существования данного субъекта. Несмотря на его политический статус, разветвленную правовую систему интеграционного характера, Союз остается международной организацией, в юридическом понимании смысла этого феномена. А наличие политических инструментов, ставших поводом для появления гипотезы о наличии некой надгосударственной власти [там же, 68], не способно оказать существенное воздействие на изменение правовой природы организации и процесса регулирования правоотношений, и тем более на политическое поведение государств, путем ущемления их политической воли. На наш взгляд, то утверждение действительно имеет под собой основания, для подобного рода выводов. Но говорить об автономной политической власти на современном этапе развития международных организаций рано, передачу полномочий вряд ли можно отождествить с передачей власти. Поскольку эти полномочия всегда ограничены рамками международных договоров, да и сами государства подчиняются ей в той степени, в какой это не затрагивает их права и интересы.

Однако нельзя оспаривать наличие принципиальных особенностей этой организации, поскольку, по мнению ряда авторов они «отличаются несомненной оригинальностью и спецификой, которые находят выражение в определенных чертах и свойствах, присущих как международной организации и квазифедеративному государству» [Энтин и др., 2007, 29]. В рамках международных организаций интеграционного характера часто создаются органы, отвечающие за правотворчество, за исполнение норм и предписаний, созданных организацией, и традиционно именуют эти структурные подразделения аналогично «государственным» институтам, например Европарламент, Европейский суд справедливости. Это не остается без внимания исследователей, которые усматривают в данной ситуации признаки наднациональности, и особой организации политических институтов. Однако отметим, что создание правовых норм внутри организации, не является чем-то незаурядным, это впол-

не традиционная практика. Так называемое вторичное право международных организаций, коим данные нормы и являются, создается именно для реализации положений общих целей, задач и принципов, закрепленных в учредительных актах. Безусловно, вторичное право становится частью правовой системы международной организации, однако не предопределяет ее уникальный характер.

Учитывая изложенное, можно утверждать, что правовые системы международных организаций вполне могут квалифицироваться как интеграционное право, в том случае, когда правовые нормы направлены на регулирование правоотношений интеграционного характера, как правило, в межгосударственной сфере.

Инструменты реализации интеграционных процессов на международном уровне

Интеграция – это не только доктринальное понятие, выработанное наукой и наполняемое лишь теоретическим содержанием, оно имеет и правовое наполнение. Анализ правовых актов, сопровождающих интеграционные процессы на постсоветском пространстве, показывает, что это понятие является ключевым в регулируемых правоотношениях. Так, в качестве форматов экономической интеграции Российской Федерации могут быть Евразийский экономический союз, СНГ, БРИКС, АСЕАН и АТЭС. Говоря о Евразийском экономическом союзе, необходимо отметить, что в учредительных документах он позиционируется как «международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью». Примечательно, что в данной норме содержится указание на международно-правовую природу указанного образования, то есть не происходит замещения понятий международная организация и интеграционная организация. В первую очередь, это международная организация, но обладающая особым отличительным статусом. Это важно учитывать при изучении похожих субъектов международного общения, в том числе и Евросоюза. В иных правовых актах можно обнаружить указание на содержание интеграционных процессов. Обратим внимание на Декларацию «О евразийской экономической интеграции» от 18.11.2011, в которой приведен комплекс мер, направленных на реализацию политики интеграции. В число этих мер входит: «обеспечение эффективного функционирования общего рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов; сотрудничество в вопросах миграционной политики; обеспечение совместимости стандартов образования; всемерное развитие сотрудничества в сфере культуры, связей по линии парламентов и деловых сообществ, контактов между людьми и другие направления в различных отраслях общественного бытия. Примечательно, что не обойдены вниманием вопросы правового регулирования указанных процессов, что дает достаточные основания для того, чтобы сделать вывод о содержании интеграционных процессов в праве, а главное выявить свойства правовой системы международной организации, при наличии которых можно го-

ворить о ее «интеграционности». В Декларации называются гармонизация национальных законодательств, и унификация в отдельных сферах договорно-правовой базы единого экономического пространства.

Эти правовые инструменты не новы для правовой науки и правоприменительной практики, особенно международной. Если проанализировать правовые акты, регулирующие деятельность Евразийского экономического союза, то можно обнаружить легальные определения рассматриваемых понятий. Так, статья 2 Договора о Евразийском экономическом союзе определяет «гармонизацию законодательства» как «сближение законодательства государств-членов, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах». Унификация в свою очередь представлена как «сближение законодательства государств-членов, направленное на установление идентичных механизмов правового регулирования в отдельных сферах...». Что, на наш взгляд, представляется весьма логичным и в целом очень полезным для правоприменения, способствующим избежать дифференциации подходов к пониманию и толкованию терминов со стороны правоприменителей, а также исследователей. Но, к сожалению, приведенные определения не обладают однозначностью и конкретикой, которая раскрыла бы процесс с позиции механизма его реализации. Теория международного права довольно часто оперирует рассматриваемыми понятиями, однако единого подхода к их раскрытию так и не выработано. Если исключить из области внимания теорию гармонизации, основанную на общих началах соотношения внутригосударственного и международного права, то этот процесс должен быть отнесен к области законотворчества и законодательного согласования [Витвицкая, Горинг, 2005, 144]. Теория гармонизации зародилась в западной правовой науке, в то время как в отечественной теории права получила несколько иную интерпретацию, и была сведена к поиску методов согласования международной и национальных правовых систем, посредством таких способов, как имплементация, трансформация, рецепция, инкорпорация, отсылка и др., что, по нашему мнению, носит более практический характер. Современные исследователи акцентируют внимание на том, что унификация и гармонизация категории весьма близкие, но не тождественные. «Различие между двумя категориями, пролегает в степени, которой достигает взаимное единство, единообразие: унификация стремится сделать разные объекты полностью одинаковыми, неразличимыми друг от друга, гармонизация допускает возможность сохранения различий, но в ограниченных пределах, не нарушающих единства в принципе» [Кашкин, Четвериков, 2014, 176]. Такое толкование вполне соответствует общенаучному подходу, однако, для правоведов остается нераскрытым вопрос о том, каковы различия между категориями в плане используемых правовых инструментов и принципов взаимодействия правовых систем.

Гармонизация и унификация рассматриваются отдельными авторами и как элемент конвергенции различных правовых семей, например, в рамках Евросоюза англо-американское и континентальное право [Марченко, Дерябина, 2012, 197]. Необходимость поиска единых

институтов правового регулирования объективно обусловлена целями деятельности международной организации при создании общего экономического и политического пространства. Однако не стоит умалять влияние противостоящих этому факторов. Политические интересы суверенных государств зачастую обусловлены внутренними потребностями и вступают в противоречия с региональными потребностями. Примеры такой ситуации в Европе нередки. Однако анализ юридических аспектов ЕС приводит к выводу, что сближение национальных правовых систем и права Евросоюза объективно, поскольку центральными принципами остаются прямое действие и верховенство права ЕС. Массив вторичного права, общеобязательного для государств-членов сформировал механизм, связующий правовые системы. Возвращаясь к рассмотрению гармонизации и унификации, отметим, что в исследованиях отечественных авторов они рассматриваются как глобализационные процессы наравне с кооперацией и интеграцией [там же, 112], таким образом, интеграция становится в один ряд с ними, а не объединяет как однородные.

Гармонизация может использоваться применительно к различным сферам, как например, политике, праву, нормативной базе. В зависимости от той области, в которой данный процесс протекает, изменяется и его содержание. Если говорить о гармонизации в права, а если быть более точным, то правовых систем, то неизбежно приходим к выводу, что она представляется процессом более абстрактным, поскольку отражает сближение правовых систем различными методами и механизмами. Гармонизация законодательства более структурирована, поскольку характеризуется созданием правовых норм, в различных актах, например директива в Европейском союзе, задача которых сводится к формированию единой практики регулирования правоотношений в рамках заданной юрисдикции. В этом отношении гармонизация близка к унификации, которая должна приводить международную и национальные правовые системы к единым нормам и правовым институтам. Ее источником должны быть нормы международного права, которые проникают в национальное законодательство, тем самым создается единый механизм правового регулирования в рамках юрисдикции международной организации. В данном контексте не принципиально, что с этой нормой происходит, превращается ли она во внутригосударственное право, как это интерпретирует теория трансформации, либо имплементируется в национальное законодательство, либо действует прямо (непосредственно), оставаясь на надгосударственном уровне. Важно, что одна норма становится унифицированной для различных государств, что вполне согласуется с теорией интеграции и не оспаривает возможность существования интеграционных международных организаций, создающих собственные правовые системы, нормы которых обладают статусом международных.

Примечательно, что в ходе анализа протекающих процессов приходим к заключению, что гармонизация, как правило, протекает на уровне вторичного права, то есть ее обеспечивает сама международная организация в процессе правотворческой деятельности, а унификация выражается в приведении к единообразию правового регулирования учредитель-

ных актов, что и должно поддерживаться не только самой организацией, а общей волей государств-членов, что на практике гораздо сложнее реализовать, чем исполнять предписания организации, в сферах, переданных к ее компетентным полномочиям

Таким образом, они не создают принципиально нового правового феномена «интеграционного права». Оно по своей природе остается элементом международной правовой системы, при этом, обладая вышеописанными свойствами, то есть возможностью регулировать отношения интеграционного характера. Такая правовая система может деформироваться под воздействием различных внешних факторов.

Среди правоведов бытует мнение, что интеграционные образования создали поистине уникальный правовой феномен в виде наднационального права, основное отличие которых кроется в придании нормам статуса прямого действия и верховенства, это является эффективным инструментом воздействия на государства, и не только на их поведение, но и на политические действия, а в конечном счете оказывает воздействие на волю. Но при более детальном рассмотрении оказывается, что это не совсем так. Воля, создающая право международных организаций детерминирует последнюю, в силу чего производная не может оказывать влияния на первоначальную. Суверенная воля наделяет публично-правовое образование качеством субъекта международного права [Шибяева, 1986, 28].

Заключение

Выше сказанное позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на многообразие форм и методов взаимодействия правовой материи, будь то правовые институты или правовые системы, источником этих процессов остается воля политических субъектов, особый «правообразующий фактор» [Бекашев, 2005, 116]. Гармонизация, унификация, кооперация, имплементация или трансформация, это теоретические конструкции разработанные, а в отдельных случаях даже получившие легальное закрепление, это направленные на объяснение юридино-технических аспектов взаимодействия, основная цель которых состоит в сближении различных правовых систем и порождаемых ими правопорядков.

Современный международный правопорядок включает в себя и правопорядки международных организаций интеграционного характера, которые обладают собственной политической волей, порождающей новые правовые нормы на надгосударственном уровне. Эта воля не сумма воли государств, она существует не над политической личностью государств, а наравне с ними, и государства самостоятельно решают вопрос о степени ее проникновения в суверенное пространство. Безусловно, природа интеграции остается до конца не раскрытой в силу того, что она протекает не столь длительное время в масштабах международного права. Именно поэтому остается открытым вопрос о пределах ее развития. Однако исследователи отмечают, что она несет существенные изменения в социальные процессы. Интеграция – это не просто взаимообщение государств, это «регулярное, длительное взаимодействие социу-

мов, располагающихся на разных континентах, которое ведет к коренной трансформации их жизни – интернационализация» [Малько, Саломатин, 2015, 149]. В результате чего роль международного права просто не может не трансформироваться. Однако необходимо понимать, что «международное право само по себе, формируясь и действуя посредством специфических механизмов, никогда не сможет стать всеобщим, единым для всех субъектов экстерриториальным регулятором, непосредственно создающим права и обязанности не только для государств, но и для иных лиц» [Лановая, 2012, 16]. Справедливо утверждение исследователей о том, что «в условиях глобализации происходит инфляция (снижение эффективности) правового регулирования» [Малько, Саломатин, 2015, 152]. История не знает примеров, когда интеграция смогла бы проникнуть в зону суверенной политической юрисдикции государств, ту область, в которой индивиды, складывающие общество и поддерживающие его политическую организацию, решают ключевые вопросы исключительно посредством самостоятельной воли. Безусловно, в современных условиях право претерпевает существенные изменения, обусловленные, в том числе и интеграционными мировыми процессами, однако подобные преобразования остаются обусловленными политическими реалиями и политической волей государств, выражающей в первую очередь внутренние интересы.

Библиография

1. Алексеев С.С. Теория государства и права. М.: Норма, 2004. 496 с.
2. Алмонд Г. и др. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002. 537 с.
3. Бекашев К.А. К вопросу о «наднациональности» межправительственных организаций // Lex Russica. 2006. № 6. С. 1025-1032.
4. Бекашев К.А. (отв. ред.) Международное публичное право. М.: Проспект, 2005. 784 с.
5. Витвицкая О., Горинг. Г. Право Европейского Союза. СПб., 2005. 256 с.
6. Декларация от 18.11.2011 «О евразийской экономической интеграции». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=121934>
7. Договор о Евразийском экономическом союзе. URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_163855/
8. Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. Международное право. М.: Эксмо, 2004. 688 с.
9. Каширкина А.А., Морозов А.Н. Международно-правовые модели Европейского союза и Таможенного союза: Сравнительный анализ. М.: ИЗиСП, Контракт, 2012. 368 с.
10. Кашкин С.Ю. Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование. М.: Проспект, 2015. 416 с.
11. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Основы интеграционного права М.: Проспект, 2014. 224 с.
12. Ковалев А.М. Политология международных отношений // Политология. Курс лекций М.: Юристъ, 2003.

13. Лановая Г.М. Глобализация как тенденция развития современного права: миф или реальность // История государства и права. 2012. № 11. С. 15-18.
14. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М.: ВолтерсКлувер, 2005. 432 с.
15. Малько А.В., Саломатин А.Ю. Основы правовой политики. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. 170 с.
16. Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Правовая система Европейского союза. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 704 с.
17. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (новая редакция): утв. Правительством РФ 14.05.2015. URL: <http://base.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=179480>
18. Усенко Е.Т. Очерки теории международного права. М.: Норма, 2008. 240 с.
19. Ушаков Н.А. Международное право. М: Юрист, 2000. 304 с.
20. Шibaева Е. А. Право международных организаций: Вопросы теории. М.: Международные отношения, 1986. 160 с.
21. Энтин Л.М. и др. Европейское право. Право Европейского союза и правовое обеспечение защиты прав человека. М.: Норма, 2007. 960 с.

Coordination of will of the international organizations member state as a form of the realization integration processes

Roman V. Shmakov

Senior Lecturer,

Department of state, municipal law and management,

Kolomna institute (branch) of Moscow State University of Mechanical Engineering (MAMI),

140406, 408 Oktyabrskoi revolyutsii st., Kolomna, Moscow region, Russian Federation;

e-mail: Shmakov_roman@mail.ru

Abstract

This article is aimed to investigate a problem of the ratio of will of member states of the international organizations as a major right forming factor in the modern international law and order. Globalization processes inevitably lead to innovative approaches and tendencies in the evolution of the right; phenomena which demand detailed studying, such as unification, harmonization, coordination, and others are analyzed. An attempt to characterize the place and the role of these mechanisms in the course of integration is made. Current tendencies in the development of international communication have as their source satisfaction of political

needs of legal relationship participants, resulting their interaction and will coordination, having the general task to reach the most desirable result of cooperation. Political processes cause changes in law, which is the main social regulator that provides their implementation. The author of the article also underlines that the modern international law and order includes also laws and orders of the international organizations of integration character which possess own political will generating new rules of law on overstate level. Certainly, the integration nature remains up to the end not opened owing to that it proceeds in international law scales not so long. For this reason, there is an opened question on limits of its development.

For citation

Shmakov R.V. (2016) Soglasovanie voli gosudarstv-chlenov mezhdunarodnykh organizatsii kak forma realizatsii integratsionnykh protsessov [Coordination of will of member states of international organizations as a form of the realization integration processes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 3, pp. 191-204.

Keywords

Integration, harmonization, unification, integration law, international organization, international law and order, globalization, European integration, law of the Eurasian economic union.

References

1. Alekseev S.S. (2004) *Teoriya gosudarstva i prava* [The theory of law and state]. Moscow: Norma Publ.
2. Almond G. et al (2002) *Sravnitel'naya politologiya segodnya: mirovoi obzor* [The comparative political science today: world review]. Moscow: Aspect Press Publ.
3. Bekiashev K.A. (2006) *K voprosu o "nadsotsional'nosti" mezhpriatel'stvennykh organizatsii* [On "supranationality" of intergovernmental organizations]. *Lex Russica*, 6, pp. 1025-1032.
4. Bekiashev K.A. (2005) *Mezhdunarodnoe publichnoe pravo* [International public law]. Moscow: Prospekt Publ.
5. Deklaratsiya ot 18.11.2011 "O evraziiskoi ekonomicheskoi integratsii" [Declaration on the Eurasian Economic Integration: adopted on November 18, 2011]. Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=121934> [Accessed 28/02/16].
6. Dogovor o Evraziiskom ekonomicheskom soyuze [Treaty on the Eurasian Economic Union]. Available from: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_163855/ [Accessed 28/02/16].
7. Entin L.M. et al. (2007) *Pravo Evropeiskogo soyuza i pravovoe obespechenie zashchity prav cheloveka* [The law of the European Union and the legal support of protection of human rights]. Moscow: Norma Publ.

8. Kalamkaryan R.A., Migachev Yu.I. (2004) *Mezhdunarodnoe pravo* [International law]. Moscow: Eksmo Publ.
9. Kashirkina A.A., Morozov A.N. (2012) *Mezhdunarodno-pravovye modeli Evropeiskogo soyuza i Tamozhennogo soyuza: Sravnitel'nyi analiz* [The International legal models of the European Union and Customs union: Comparative analysis]. Moscow: IZiSP, Kontrakt.
10. Kashkin S.Yu. (2015) *Integratsionnoe pravo v sovremennom mire: sravnitel'no-pravovoe issledovanie*: [The integration law in the modern world: comparative and legal research]. Moscow: Prospekt Publ.
11. Kashkin S.Yu., Chetverikov A.O. (2014) *Osnovy integratsionnogo prava* [The bases of the integration law]. Moscow: Prospekt Publ.
12. Kovalev A.M. (2003) *Politologiya mezhdunarodnykh otnoshenii* [The political science of the international relations]. In: *Politologiya. Kurs lektsii* [Political science. A course of lectures]. Moscow: Yurist" Publ.
13. Lanovaya G.M. (2012) *Globalizatsiya kak tendentsiya razvitiya sovremennogo prava: mif ili real'nost'* [The globalization as a tendency of development of the modern law: myth or reality]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law], 11, pp. 15-18.
14. Lukashuk I.I. (2005) *Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya chast'* [International law. General part]. Moscow: VoltersKluver Publ.
15. Mal'ko A.V., Salomatin A.U. (2015) *Osnovy pravovoi politiki* [The basis of legal policy]. Moscow: RIOR: INFRA-M Publ.
16. Marchenko M.N., Deryabina E.M. (2012) *Pravovaya sistema Evropeiskogo soyuza* [The legal system of the European Union]. Moscow: Norma-Infra-M Publ.
17. *Osnovnye napravleniya deyatel'nosti Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii na period do 2018 goda (novaya redaktsiya)* [The main directions in the activities of the Russian Government for the period till 2018 (new edition)]. Available from: <http://base.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=179480> [Accessed 28/02/16].
18. Shibaeva E.A. (1986) *Pravo mezhdunarodnykh organizatsii: voprosy teorii* [The law of the international organizations: matters of theory]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.
19. Usenko E.T. (2008) *Ocherki teorii mezhdunarodnogo prava* [The sketches of the theory of international law]. Moscow: Norma Publ.
20. Ushakov N.A. (2000) *Mezhdunarodnoe pravo* [International law]. Moscow: Yurist" Publ.
21. Vitvitskaya O., Goring G. (2005) *Pravo Evropeiskogo Soyuzha* [The law of the European Union]. St. Petersburg: Piter Publ.